

Заключение

Истории прибалтийско-финских народов исторической Ингерманландии в XX в. присущ драматический и даже трагический характер: речь идет о постепенном исчезновении нескольких народов с их самобытной культурой. Поглощение мелких этнических общностей более крупными является распространенным явлением мировой истории. Среди племен, родственных финнам, ассимиляции подверглись, в частности, мешера, мурома и меря, населявшие в Средние века лесные просторы Владимиро-Суздальской и Рязанской земель, на грани исчезновения находятся ливы — коренные жители балтийского побережья Курземе в Латвии. Процесс медленной ассимиляции малых народов Ингерманландии был бы также естественным следствием этнического развития региона. Однако репрессии, массовые принудительные перемещения советской эпохи ускорили этот процесс в несколько раз. При этом репрессии в отношении ингерманландцев оказались наиболее продолжительными среди национальных гонений в Советском Союзе: можно говорить о четырех или даже пяти волнах или стадиях репрессивной политики в Ингерманландии (в 1930–1931, 1935–1936, 1937–1938, 1941–1942 и 1944–1947 гг.), тогда как репрессии против других национальных групп в большинстве случаев были единичным актом (хотя имели место, естественно, и исключения). В то же время реабилитация ингерманландцев представляется наименее последовательной и наиболее растянутой по времени в ряду подобных процессов.

Недоверие к российским финнам не изжито даже в наше время. В некоторых публикациях деятельность «Инкерин Литто» и другие проявления культурной активности ингерманландских финнов расцениваются как чуть ли не сепаратистские устремления. В 1994 г. штаб Ленинградского военного округа выпустил книгу для личного состава под названием «Скандинавский оборонительный союз — история и современность», в которой, в частности, было записано: «На территории Санкт-Петербурга и области активно действуют разного рода исторические общества и кружки по восстановлению автономного государства Ингрии (Инкери) на местах проживания финнов-ингерманландцев, подвергшихся в массовом порядке сталинским репрессиям... Пропагандистская деятельность обществ совершенно открыто осуществляется за счет денежных средств финских фирм и благотворительных ор-

ганизаций».¹ В подобном же духе газета «Новый Петербург» отреагировала на ингерманландскую этнографическую выставку, открывшуюся в петербургском Музее антропологии и этнографии в марте 2003 г.: «Копаться в далекой истории, чтобы доказать, что нужно возродить некую Ингерманландию, — это будет на руку не Российскому государству, а нашему северному соседу, который, говорят, в новых геополитических условиях уже вознамерился занять даже атомную бомбу».² Автор газетной заметки считает недопустимым даже само использование географического термина «Ингерманландия», усматривая в этом проявление сепаратизма. Надуманность этих и других подобных обвинений очевидна: организации финнов-ингерманландцев никогда не ставили и не ставят себе целью восстановление некоего ингерманландского государства (которого, собственно, никогда и не существовало). Хорошо известно, что задача их деятельности состоит в возрождении культурной и духовной жизни ингерманландских финнов и сохранении среди них национального идентитета, никаких политических целей они не преследуют.

Как уже отмечалось, наиболее трагичным выглядит положение коренных прибалтийско-финских народов Ингерманландии — води и ижоры: первый из них можно считать фактически исчезнувшим. В положении ингерманландских финнов на протяжении всего предшествующего столетия ощущалась и продолжает ощущаться некоторая двойственность. Представителями этой общности не один раз ставился вопрос о том, чем она является: самостоятельным народом, с собственной культурой, или частью финского (в узком смысле этого слова) этноса? Еще в 1887 г. П. Тойкка поставил вопрос на страницах газеты «Инкери»: «Есть ли у нас своя история?» В 1908 г. схожим вопросом задалась газета «Нева»: «Где находится родина ингерманландцев?», и пришла к выводу, что не в Финляндии. В последнее время эта проблема вновь стала актуальной. Двойственность положения финнов-ингерманландцев проявляется в том, что, с одной стороны, они представлены, наряду с финскими диаспорами Швеции, Канады, США и других стран, в Парламенте зарубежных финнов, созданном в 1997 г. 35 делегатов представляли четыре союза ингерманландских финнов на второй сессии

¹ Цит. по: Гильди Л.А. Судьба «социально-опасного» народа. Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930–2002 гг. СПб., 2003. С. 45.

² Новый Петербург. 2003. 27 марта.

этого органа, состоявшейся 6–7 ноября 2000 г. С другой стороны, ингерманландские представители, наряду с делегациями от венгров, эстонцев, карелов, коми, мордвы и др., участвуют, как выше упоминалось, в работе всемирных конгрессов финно-угорских народов, последний из которых проходил в декабре 2002 г. В настоящий момент вопрос стоит так: какая позиция лучше поможет сохранить ингерманландскую общность от исчезновения. А. Крюков высказался по этому поводу следующим образом: «Двойственное этническое сознание ингерманландских финнов создает двусмысленность национального движения и требует выбора — от лидеров и каждого человека — кто такие ингерманландские финны? Или это группа собственно финнов — тогда вперед, в Финляндию. Ингрия тогда потеряна, о ней можно забыть. Или это самостоятельный народ — тогда возможно сохранение ингерманландских финнов на своей родине, в виде пусть даже весьма немногочисленной группы».³ Т. Флинк, выступая на ингерманландском семинаре в С.-Петербурге в октябре 1999 г., высказал мнение о том, что в России у ингерманландцев нет будущего и что какие-либо надежды можно связывать только с Финляндией. Деятели «Инкерин Лиитто» придерживаются, однако, иной точки зрения.

В определенном смысле ингерманландские финны находятся в более благоприятном положении по сравнению с другими малыми народами России и бывшего СССР, так как они могут рассчитывать на активную помощь со стороны Финляндского государства. Однако усиление контактов с Финляндией неизбежно ведет к увеличению числа желающих выехать в эту страну на постоянное место жительства, где они неизбежно растворяются среди местного населения. Немногочисленные же оставшиеся будут обречены на быструю ассимиляцию среди русского большинства. Симптоматичным выглядит отъезд в Финляндию нескольких активистов ингерманландского движения, таких как Т. Флинк, А. Сурво, П. Мутанен. Из 11 членов первого совета «Инкерин Лиитто» пятеро уехали в Финляндию.⁴ В октябре 2000 г. в С.-Петербурге состоялась научно-практическая конференция «Будущее ингерманландских финнов», на которой вновь были поставлены вопросы: кто такие ингерманландские

³ Крюков А. Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса // Будущее ингерманландских финнов. С. 33.

⁴ Кокко В.А. 15 лет «Инкерин Лиитто» // Петербург национальный. 2003. № 3–4 (10–11). С. 51.

финны, есть ли у них будущее и если да, то где оно? Дискуссии, возникшие в ходе работы конференции, носили подчас ожесточенный и бурный характер. Определенные выводы были сделаны, однако что касается основных вопросов, остается повторить, что дать четкий ответ на них сможет только время.